

РЕЦЕНЗИЯ

на диссертационную работу
проф. д-ра филологии Людмила Иванова Димитрова

**„Драматургия разъезда (Антон Чехов – Лев Толстой – Максим
Горький и конец русской драматургии XIX-го века)“**,

представленную на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Область высшего образования: 2. Гуманитарные науки;

Профессиональное направление: 2.1. Филология;

Научная специальность: Русская литература (Русская литература XIX-го
века)

Рецензент: доц. д-р филологии Галина Петкова, Кафедра русской
литературы, Факультет славянских филологий, Софийский университет
„Св. Климент Охридский“

Мое участие в работе научного жюри по защите диссертационного
труда проф. Людмила Димитрова на соискание ученой степени доктора
филологических наук определено приказом № РД-38-438 от 18.07.2024 г.
ректора Софийского университета „Св. Климент Охридский“.

Как член жюри, я подтверждаю, что комплект материалов,
представленных соискателем, содержит все необходимые документы и
сведения, предусмотренные процедурой. Прилагаемая справка в
соответствии со статьей 2b Закона о развитии академических кадров в
Республике Болгария („научная область 2. Гуманитарные науки;
Профессиональное направление: 2.1. Филология, Научная специальность:

Русская литература“), удостоверяет, что проф. Людмил Димитров соответствует „минимальным национальным требованиям“, указанным в цитируемом законе. Я также подтверждаю, что, как устанавливает Закон о развитии академических кадров в статье 12 (пункт 5), рецензируемая работа не повторяет тематику и содержание работ, за которые были получены другие степени и звания, и не использовалась в процедурах их соискания. Предложенный диссертационный труд является оригинальным и авторским текстом, что доказано проверкой «Антиплагиат».

Проф. Димитров приложил 11 публикаций по теме диссертации, которые свидетельствуют об апробации работы на протяжении более чем полутора десятилетий (2008–2024 гг.) в болгарских и иноязычных научных изданиях.

В эту административную процедурную раму, работа проф. Димитров надлежащим образом вписывается.

Главное намерение рецензируемой разработки – реконструировать и интерпретировать отношения между «тремя наиболее знаковыми и значительными фигурами русской литературы» (с. 5) – Л. Толстым, А. Чеховым и М. Горьким – сквозь определяющую рефлексивную призму драматургии. Речь идет об особом обмене личностными идентификациями и художественными матрицами, происходящем в этом *мужском литературном салоне*, где каждый участник справляется с собственным «страхом влиянием» другого, если воспользоваться терминологией Хэролда Блума, присваивая, оспаривая или отталкиваясь от чужого бытия, эстетики и поэтики.

В литературной русистике до сих пор интерес к взаимоотношениям упомянутых писателей ограничивался их изучением в оппозиционных парах. Аналитический ракурс, ставящий своей целью рассмотреть Толстого, Чехова и Горького и их произведения в контексте *диалога троих*, не формулировался и не обсуждался. Таким образом, предложенный

исследовательский сюжет – несомненная находка проф. Димитрова, а обоснование и развертывание этого нового сюжета с тщательной пунктуальностью определяют научный вклад диссертационной работы.

Более того, *триангуляция* – при всей геометрической метафоричности означаемого – оказывается особенно продуктивным подходом. Благодаря ей не только углубляется интерпретация канонических для всех трех авторов произведений, но и осуществляется интермедиальное моделирование, которое 1) объединяет литературу, драматургию и театр; 2) обосновывает «необратимое реформатирование литературно-театральной конвенции» (с. 6); 3) предлагает широкий контекст развития русской литературы XIX–XX веков и 4) выдвигает дополнительные аргументы, проблематизирующие общепринятое хронологическое деление.

Рецензируемая диссертация имеет общий объем 721 страница и включает в себя введение, три аналитические главы, заключение и список цитируемой литературы, состоящий из 498 библиографических единиц на нескольких языках.

Массив найденных, рассмотренных и подвергнутых осмыслению текстов восхищает. Он свидетельствует об отличной осведомленности автора в критической литературе, посвященной трем писателям. Хорошим и внутренне логичным выбором диссертанта является подчинение анализу, казалось бы, разнородных форматов – от мелочи письма / реплики / воспоминания до отдельного монографического исследования. Все ценно, все работает на уплотнение наблюдений и построение аргументов. Такое тщательное изучение и извлечение смысла из, казалось бы, знакомых и закрытых для интерпретации фактов и тезисов раскрывает профессиональное умение проф. Димитрова работать с различными пластами знания и метатекстами разных эпох, переосмысливая и развивая их сквозь призму современных гуманитарных наук.

Во «Введении» раскрывается мотивация исследования, обозначен его междисциплинарный профиль и сформулированы его задачи. Методологические основы текста лежат в области «поэтики, семиотики и герменевтики» (с. 6), и в дальнейшем изложении умело удается не только инструментализировать, но и согласовать их подходы на разнородном материале. Понятие, вынесенное в заголовок, – «разъезд» – вводится и защищается как «специфически русская театрально-драматургическая метафора» (с. 38), появившаяся с легкой руки Гоголя и нашедшая свой последний приют в «Вишневом саде» Чехова, а в рассматриваемой здесь работе ставшей ведущей нитью размышления.

В первой главе, «Путь к другому», на метакритическом уровне реабилитируется «биографический подход» (с. 75) и восстанавливается фигура писателя / автора / драматурга как объект научного исследования. Опираясь на взгляды видных теоретиков литературы, таких как Филипп Лежён и Эндрю Вахтель, размышление фокусируется на роли биографемы, присутствующей в эготекстах трех писателей. В исследовании накладывается несколько рецептивных слоев, которые дополняют друг друга, чтобы доказать основную гипотезу. Первый это автобиографические тексты, и акцент здесь ставится на партитурности повествований, поскольку они «структурируют жизнь» своих авторов (с. 54) и мотивируют интерес каждого автора к двум остальным. Саморефлексия в эготекстах способствует построению образа другого, то есть основное внимание здесь уделяется тому, как писатели воспринимают друг друга, как они «читают друг друга» (с. 94) и кто какую критическую позицию занимает по отношению к другому.

Погружение в чужой текст и всматривание в себя при его посредничестве приводят к желанию осуществить личное знакомство. В работе на основании документальных свидетельств представлена подробная хроника состоявшихся между писателями встреч. В анализе

подчеркивается, что эти встречи, при всей доброжелательности участников, сохраняют определенную иерархию социально-поведенческого кода. Таким образом, эти не всегда гладкие контакты трансформируют общение и переводят его в русло драматургии. Приходит момент, когда выступающие как драматурги Толстой, Чехов и Горький создают «конкретные тексты для сцены» (с. 114), благодаря которым осуществляется реальный диалог между ними. Помимо реконструированных контактов, в диссертации развернут параллельный сюжет, который соотносит эготексты с авторитетными с точки зрения сегодняшнего дня академическими исследованиями или жизнеописаниями трех писателей. Таким образом предлагается вторичное моделирование биографий Толстого, Чехова и Горького, подчиненное ведущему акценту исследования: как осуществлялись встречи между писателями и какой путь к другому прошел каждый из них.

Вторая глава «Толстой, Чехов, Горький: кто есть кто для двух других?» рассматривает тот сегмент контактов между тремя авторами, который проблематизируется на основе документальных источников: писем, записок, дневников, мемуаров. Эти документальные свидетельства, которые очевидно долго собирались и систематизировались, показывают, как в процессе общения писатели меняют свои мнения, оценивая друг друга. Образ *значимого собеседника* конструируется, соединяя полюса притяжения и различения, доверия и – как удачно метафоризирует проф. Димитров – «поглощения» (с. 148) другого. Проанализированные мнения доказывают существование пробелов в коммуникации между тремя авторами и создают «сущностную предпосылку» (с. 148) для того, чтобы эта коммуникация позиционировалась в поле фикционального, т. е. в данном случае – драматургии.

Третья глава «Проницаемая поверхность чеховской драматургии» является основополагающей для концепции диссертационной работы. Она состоит из четырех подглав, каждая из которых логически обоснована и

обладает завидным доказательным потенциалом. Основной вклад первой из них я вижу в аналитическом подходе, который предлагает интерпретировать поздние пьесы Чехова – «Чайку», «Дядю Ваню», «Три сестры» и «Вишневый сад» – как цикл. Тезис аргументируется на основании существующих внутренних связей между пьесами на разных уровнях поэтики. Имеются в виду заглавия; символы; повторяющиеся мотивы, определившие согласование сюжетов; финалы; драматическое действие; система персонажей и – не в последнюю очередь – своеобразное соединение трагедийного и комедийного, которое в творчестве Чехова раскрывается как *доминирование настроения*.

В двух других подглавах пьесы «Живой труп» Толстого и «На дне» Горького рассматриваются в контексте драматургии Чехова, созданной до «Вишневого сада». Весьма продуктивны наблюдения над тем, как экзистенциальная судьба и философия чеховских героев перекликается с историей Федора Протасова из «Живого трупа». Противопоставляя себя Чехову, Толстой пытается «исправить» его сюжеты и пропустить их сквозь призму собственной философии, но это не приводит к созданию «нового типа драмы» (с. 431). Анализируя пьесу «На дне» Горького в ее интертекстуальном диалоге с пьесами Чехова и Толстого, проф. Димитров доказывает, что эта драма по своей поэтике принадлежит скорее к русской драме XIX века, чьи открытия и сюжеты она доводит до логического предела. Горький пытается присвоить и воспроизвести фикциональный мир Чехова, но его герои, выступающие в роли резонеров, приближают его скорее к Толстому. Исключительный интерес представляет защищенный проф. Димитровым тезис о *взаимной фикционализации*, предпринятой тремя писателями в их драматических текстах, а именно: Толстой становится героем Горького (старик Лука в «На дне»); Чехов и Горький становятся героями Толстого (доктор и бывший дворянин, опустившийся на социальное дно в «Живом трупе»); Толстой и Горький – героями Чехова в

пародирующих писателей персонажах Фирса и Пети Трофимова в «Вишневом саде».

Последняя подглава посвящена «Вишневому саду» в контексте не только творчества Чехова, но и Толстого и Горького, заимствовавших чеховскую драматургическую модель. Автор диссертации обосновывает вывод о том, что пьеса не только завершает творчество Чехова, но и исчерпывает асимметричный диалог трех писателей и их текстов, окончательно финализирует конвенции русской классической драматургии и русской литературы Золотого века.

В «Заключении» исследование возвращается к гоголевской метафоре, вынесенной в заголовок, чтобы рекапитулировать выводы о конце драматической поэтики XIX века, перформативно заявленном в последней пьесе Чехова.

Автореферат объемом в 73 страницы корректно и синтетично отражает структуру и содержание диссертации.

Рецензируемая работа успешно удерживает баланс и преодолевает консервативную жанровую нормативность диссертационного исследования, одинаковую для всех научных областей. Она расширяет и преодолевает модель квалификационного текста, подчиненного единым требованиям, и придает ему идентичность, соответствующую литературоведческому знанию. Считаю, что неоспоримым достоинством обсуждаемого труда является его метаязыковая сущность, его само-письмо, реализованное в озаглавливании, структурировании, разворачивании тезисов и гипотез, их доказательстве и сплетении.

Эта реализованная особая пластичность дискурсивной стратегии проф. Димитрова никогда не оставляет читателя в позиции пассивного потребителя научной истины, но заставляет его быть со-исследователем и вместе с автором пройти путь к ней. Такой подход, кстати, заставляет воспринимающего быть активным участником академической дискуссии,

учит его прислушиваться к чужим аргументам, признавать их право на научное бытие в тех случаях, когда его собственные логики или манера выражения являются различными.

Важный вклад в болгарское культурное поле вносят предложенные новые или актуализированные переводы текстов Толстого, Чехова и Горького, цитируемые в диссертации. Такое уточнение неточно переведенных названий, реалий, имен и отдельных строк, некритично воспроизводимых и сегодня, играет существенную роль в рецепции, интерпретации и – не в последнюю очередь – в формировании учебного канона, знакомящего с ключевыми произведениями писателей.

Учитывая все вышеперечисленные достоинства диссертации «Драматургия разъезда (Антон Чехов – Лев Толстой – Максим Горький и конец русской драматургии XIX-го века)» и ее убедительный вклад в русистику и гуманитарные науки в целом, я предлагаю уважаемому жюри присудить проф. д-ру Людмилу Димитрову степень «доктора наук».

Доц. д-р Галина Петкова

20 сентября 2024 г.

София